

Дело о погроме на стекозаводе «Новка» в контексте постреволюционных событий в Витебской губернии

УДК 94(476.5)(091)

Светлана МЯСОЕДОВА,
ведущий архивист
отдела использования
и публикации документов
Государственного архива
Витебской области

Светлана МЯСОЕДОВА. Дело о погроме на стекозаводе «Новка» в контексте постреволюционных событий в Витебской губернии. В статье, написанной на основе архивных документов, рассказывается о событиях, произошедших 27 сентября 1919 года в поселке Новка Куринской волости Витебского уезда. Анализируя причины возникновения «зеленого» движения в Витебской губернии, автор приходит к выводу, что проводимые в первые годы после установления советской власти жесткие репрессивные мероприятия вели к озлоблению населения, способствовали появлению и широкому распространению бандитизма в регионе.

Ключевые слова: еврейский погром, стекозавод «Новка», Гражданская война, бандитизм, «зеленые», Витебская губерния, революционный трибунал.

Svetlana MYASOYEDOVA. The case of the pogrom at the Novka glassworks amidst post-revolutionary events in Vitebsk Province. Based on archival documents, the article describes the events that took place on 27 September 1919 in the village of Novka, Kurino Volost, Vitebsk District. Analyzing the reasons behind the “green” movement in Vitebsk Province, the author concludes that the policy of crackdown and persecution in the first years after the establishment of the Soviet power led to the embitterment of the population and gave rise to widespread gang violence in the region.

Keywords: Jewish pogrom, Novka glassworks, Civil War, gang violence, “the green”, Vitebsk Province, revolutionary tribunal.

После Октябрьской революции 1917 года в Витебской губернии было неспокойно. В это тревожное время звучали лозунги «Долой советскую власть!», «Долой военные комиссариаты!», символизировавшие сопротивление таким непопулярным среди населения действиям, как мобилизация, взимание налогов, конфискация имущества, восстановление смертной казни во внесудебном порядке и др. Остроте ситуации способствовало и наличие оружия, оставшегося после демобилизации солдат из царской армии, и слухи о возможном

возобновлении наступления германских войск.

Крупные восстания против советской власти произошли в конце 1918 года в Велижском, Городокском, Невельском, Полоцком, Витебском уездах. Они носили стихийный характер. Повстанцы захватывали населенные пункты, громили волостные исполкомы, арестовывали и убивали советских работников, жгли мосты. Убийства и грабежи, безусловно, придавали восстаниям уголовный оттенок. В то же время руководство губернии признавало их политический характер, называя «кулацкими», «белогвардейскими».

Восстания были жестоко подавлены, «сотни кулаков, посмеявших с оружием в руках идти против революции, безжалостно расстреляны» [1, с. 1]. Но насилие порождало насилие: недовольство росло, некоторые крестьяне уходили в лес, где к ним присоединялись дезертиры. Так среди участников Гражданской войны – «красных» и «белых» – в Витебской гу-

ОБ АВТОРЕ

МЯСОЕДОВА Светлана Николаевна.

Родилась в г. Новогрудке Гродненской области. Окончила исторический факультет Белорусского государственного университета (1999).

С 2003 года – старший научный сотрудник, с 2011 года – ведущий архивист отдела использования и публикации документов Государственного архива Витебской области.

Автор более 20 научных публикаций, одна из составителей трех сборников документов.

Сфера научных интересов: послереволюционные события на территории Витебщины, проблематика межнациональных отношений.

бернии формировалась третья сила – так называемые «зеленые».

Еще 12 июня 1919 года года витебский губернский военный комиссар С. Крылов в статье в витебской газете «К оружию» отмечал не очень значительное количество «зеленых» в губернии, их разрозненность по лесам, малочисленность (в каждой банде было не более восьми человек), а слухи о сотнях и даже тысячах зеленоармейцев называл всего только слухами, поскольку красноармейские отряды выявляли лишь отдельных сопротивленцев, которых расстреливали на месте [2, с. 3].

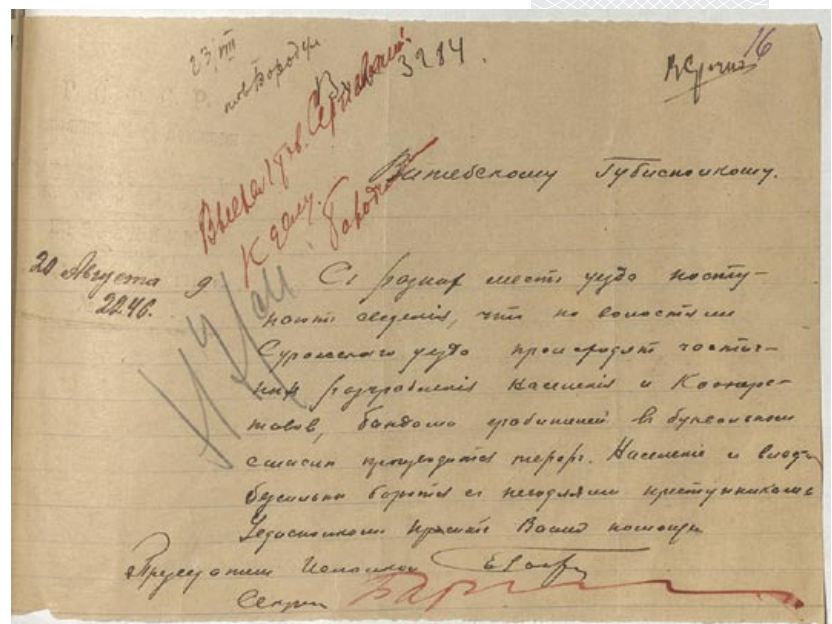
Вероятно, С. Крылов несколько преуменьшал размер возникшей проблемы, чтобы хоть немного успокоить население. В то же время в газетах регулярно сообщалось о действиях бандитов на территории губернии, особенно часто упоминался регион по линии Городок – Сураж – Невель – Велиж.

Летом 1919 года ситуацию в Суражском уезде относительно бандитизма местный исполком называл уже террором, констатируя, что «население и власти бессильны бороться с негодяями». В конце августа 1919 года для рассмотрения ситуации на месте в Сураж выехал председатель Витебского губисполкома Петр Сергиевский [3, л. 16]. Бандиты в это время открыто «охотились» на красноармейцев и советских работников, громили волостные исполкомы, где жгли документы, забирали печати, пишущие машинки, грабили кооперативы. Так, в ночь на 28 июля 1919 года ими был разгромлен Казаковский волысполком, убиты заведующий волостным земельным отделом и его 18-летний сын, местный лесник и его брат, а в ночь на 27 августа около деревни Власово Касплянской волости застрелены 11 красноармейцев [3, л. 23–24].

Всего, по оперативной сводке командира Н-ского отдельного стрелкового батальона войск внутренней охраны Журавлева от 5 октября 1919 года, в это время в лесах под Суражем находилось порядка 800 бандитов, сгруппированных в отдельные отряды, связь между кото-

рыми была хорошо налажена, поэтому вместе они могли собраться по сигналу в течение двух часов [4, л. 16 об.]. Эти отряды действовали не только в пределах Витебской губернии, но и в прилегающих к ней местностях Смоленской и Псковской губерний [5, л. 173]. Одна из групп (около 100 человек), как следует из уголовного дела о погроме на стекло-

заводе, была вооружена шашками и нагайками, из винтовок стреляли нечасто – экономии патронов. Штаб находился в небольшом лесу в полверсты от большака, в районе бывшего имения Козловичи, сами бандиты часто жили в деревнях [6, л. 96 – 98 об., 148 – 148 об.].

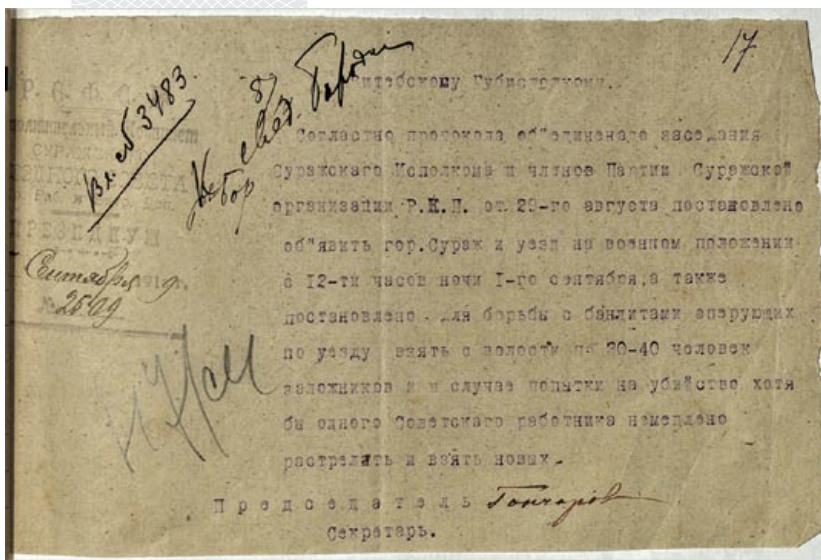
С 12 часов ночи 1 сентября 1919 года Суражские уездные исполком и комитет РКП(б) объявили город на военном положении и постановили для борьбы с бандитизмом брать в заложники по 30–40 местных жителей с каждой волости, расстреливать их в случае «попытки на убийство хотя бы одного советского работника», затем брать новых заложников. Власти понимали, что среди «зеленых» много местных жителей, которые поддерживают связь с оставшимися в деревнях, и в заложниках обязательно окажутся их родные, близкие, друзья. 4 сентября бойцы отряда Витебского губвоенкомата под руководством П. Сергиевского попали под обстрел в лесах Каспянской волости, но сумели занять позиции бандитов, где обнаружили штаб и кухню. Для допроса были взяты в плен пять человек, остальных захваченных бандитов, численность которых в документах не указывается, расстреляли на месте. Пленные показали, что в банде было около 300 человек [3, л. 17, 24 об.].

20 сентября 1919 года П. Сергиевский распорядился «отряд в 150 штыков при двух пулеметах и 15 конных отправить в Суражский уезд для окончательной ликвидации банды». Начальником военного формирования был назначен 25-летний заведующий оперативной частью Витебской губЧК Петр Карпов [3, л. 23; 7, л. 304–305].

Начиная с 1919 года в Витебской губернии участились и случаи еврейских погромов. Остановимся более подробно на одном из таких эпизодов, имевших место на стеклозаводе «Новка» Куринской волости Витебского уезда. Предприятие находилось в эпицентре бандитского региона, в 30 верстах от Суража, в лесу около озера. Рабочие жили в поселке, построенном бывшим владельцем завода евреем Липой Галеркиным [8, с. 5]. Там располагались около 50 домов, школа, детский сад, больница, баня [9, л. 24 об.].

В дореволюционный период предприятие поставляло свою продукцию многим российским компаниям, в том числе и крупнейшей парфюмерной фабрике Российской империи «Брокер и Ко». В 1913 году оно вошло в организованное Галеркиными акционерное общество стекольных, хрустальных и лесопильных заводов «Западная Двина». Здесь производили стекло для керосиновых ламп и банки. В 1917 году стеклозавод внесли в число предприятий, работавших на оборону государства. Директором завода был А.Л. Галеркин, членами правления, судя по всему, его братья Р.Л. Галеркин и Г.Л. Галеркин [10, л. 324, 327]. В марте 1919 года советское правительство завод национализировало [9, л. 20 об.], он вошел в состав Главного комитета стекольно-фарфоровой промышленности при Отделе химической промышленности Высшего совета народного хозяйства.

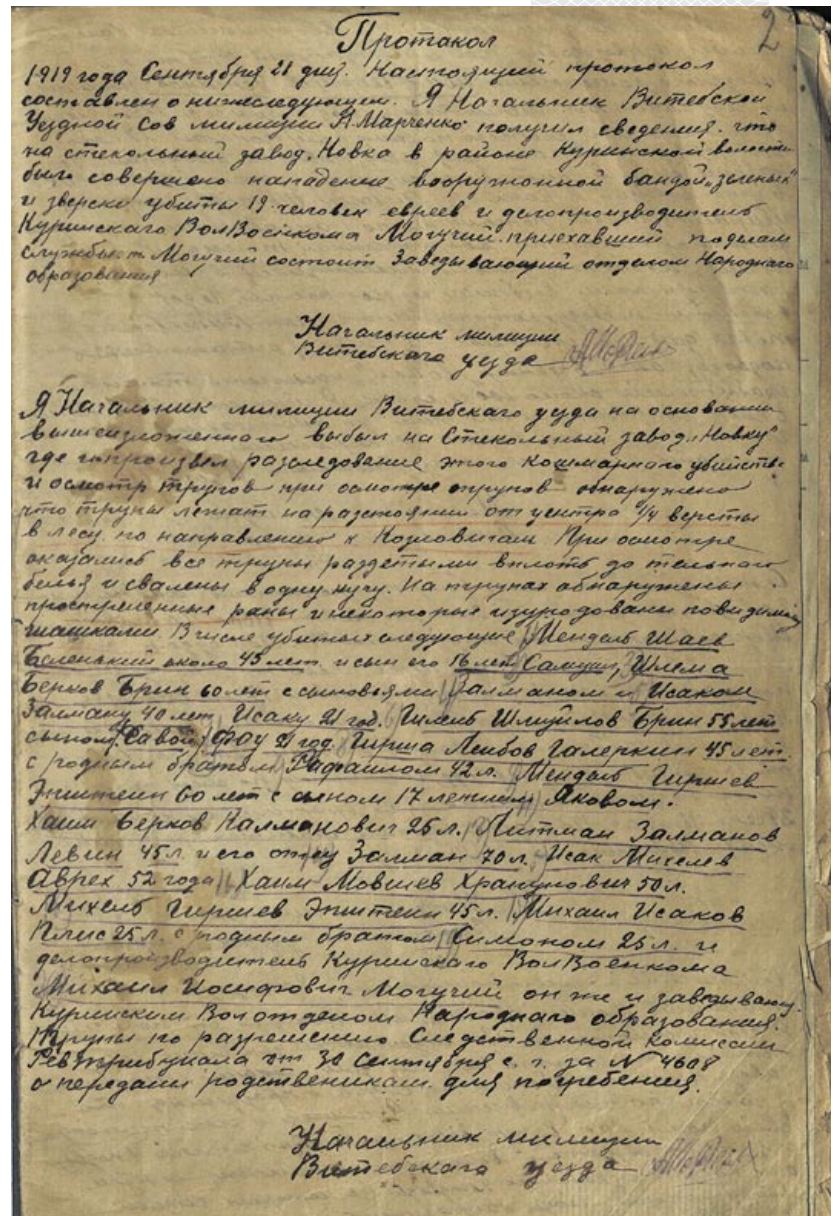
Традиционно на предприятии работало много евреев, они же занимали и большинство руководящих должностей. Решение всех проблем, связанных с деятельностью стеклозавода, особенно касающихся заработной платы, рабочие воз-

лагали на руководство. Летом и осенью 1919 года по поселку поползли слухи о возможном нападении на Новку «зеленых» с целью грабежа и убийства евреев. Как следует из следственных документов по делу о погроме на стекольном заводе, даже дети лет четырех во время игр кричали, что евреям жить осталось недолго, скоро их всех перережут [9, л. 21].

27 сентября 1919 года, как обычно в субботу – шабат, завод не работал. Православные отмечали один из двенадцатых праздников – Воздвижение Креста Господня. К тому же на заводе был день зарплаты. Этим и воспользовались «зеленые». В 3 часа дня они выехали из леса на четырех подводах: всего было около 50 человек [9, л. 44 об.]. Две подводы повернули к заводской конторе, где в это время раздавали жалованье, две – к центру населенного пункта. Затем в поселке появилось еще человек 60 – молодые парни, вооруженные винтовками, нагайками, шашками, револьверами. Они говорили между собой по-латышски и по-русски, звучали обращения друг к другу – Мазепа, Суворов, Сусанин, главно-го называли Быстровым [11, л. 2 – 2 об.]. Одеты все были по-разному, но у многих на шапках красовались красноармейские значки, из-за чего их можно было принять за красноармейцев, которые приехали в поселок ловить дезертиров. Главному на вид было от 22 до 27 лет, рост – ниже среднего, коренастый, бритый, одет в серый костюм. В своих показаниях во время допросов по судебному процессу люди отмечали его глаза – «узкие, странные» [9, л. 13 об.; 11, л. 21 об.]. Среди «зеленых» также были и окрестные крестьяне.

Бандиты окружили поселок и велели всем разойтись по домам [5, л. 283]. Они действовали быстро, слаженно, достаточно тихо. В конторе стекольного завода ограбили кассу, забрали маленькую пишущую машинку и деньги, а затем пошли по домам. По свидетельствам очевидцев, у них был список, в котором значились еврейские семьи. Несколько человек входили в дом, требовали документы, удостоверяющие личность, и рвали их. Охотились исключительно на лиц

еврейской национальности. В одном из домов, например, увидели иконы и ушли. В еврейских семьях мужчин «арестовывали» и выводили на улицу, женщинам и детям велели сидеть тихо. Затем быстро обыскивали дом, предпочтение отдавали ценным вещам, однако брали все, что понравится: одежду, посуду, еду, постельные принадлежности. В семье Беленских «угостились» хлебом с молоком и вареньем. Девятилетняя девочка рассказывала потом, что один из нападавших при этом говорил: «Кушайте, чтобы у вас

► Петр Карпов

сердце было крепче бить жидов». После разграбления еврейских домов бандиты разрешили всем желающим продолжить «обыск с конфискацией имущества», чем и воспользовались некоторые жители поселка, в основном женщины и дети [6, л. 52].

Всего «арестованных» оказалось 20 человек: мужчины-евреи от 16 до 70 лет и один православный – заведующий волостным отделом народного образования Михаил Могучий. В день погрома он приехал из Курино, центра волости, в поселок по школьным делам по просьбе учительницы Анны Сябаровой. Они с делопроизводителем волревкома Яковом Гвоздевым собирались отправиться в Новку на велосипедах, но поскольку у М. Могучего в тот день велосипеда не оказалось, он поехал один с крестьянином-возчиком на подводе [6, л. 38 – 39 об., 179 – 179 об., 256–257].

Школа находилась на окраине поселка. Учительница жила там же. Она поставила самовар, а М. Могучий вышел во двор, чтобы отпустить подводу. На улице его задержали, попросили предъявить документы. Вероятно, он также принял

бандитов за красноармейцев, которые ловят дезертиров, сказал, что коммунист, предъявил какие-то бумаги и также был арестован [12, л. 1–5].

Мужчин повели по направлению к имению Козловичи и затем через четверть версты в лесу расстреляли. Перед убийством арестованных, вероятно, мучили, поскольку некоторые тела были изуродованы шашками. Убитые были раздеты до нательного белья и свалены в кучу. Михаил Могучий лежал в стороне, у него было прострелено колено, умер же он от штыковой раны в живот. Эти подробности известны из протокола осмотра места преступления начальником Витебской уездной милиции А.Л. Марченко. Один из арестованных, сорокапятилетний Михель Эпштейн, был ранен в спину и ногу, но остался жив. После того как бандиты уехали, жена, дети, племянница потащили его домой на руках. Они с трудом нашли лошадь, чтобы отвезти его к врачу в Витебск, но там М. Эпштейн умер [11, л. 2].

Вдовы убитых во время погрома попросили в заводском комитете парусину, чтобы прикрыть трупы, но получили отказ. Они вынуждены были сидеть на месте убийства и охранять тела от бродячих собак до приезда милиции [12, л. 19 об.]. Но лишь во вторник вечером в Новку приехал начальник Витебской уездной милиции Андрей Марченко с отрядом губЧК. В среду А.Л. Марченко в два ряда выстроил участвовавших в погроме уже после «зеленых» местных жителей, впереди мужчины от 16 лет, за ними женщины и дети, и установил напротив пулемет. Он дал им время на признание в грабеже. Несколько человек сказали, что брали вещи, так как их заставили бандиты.

В это время, как известно из оперативной сводки командира Н-ского отдельного стрелкового батальона войск внутренней охраны т. Журавлева, отряд Витебской губЧК под руководством П. Карпова, обыскивая район юго-западнее Суража, обнаружил «банду Воронова в 300 человек, вооруженных винтовками, автоматическими пулеметами, бомбами. Бой

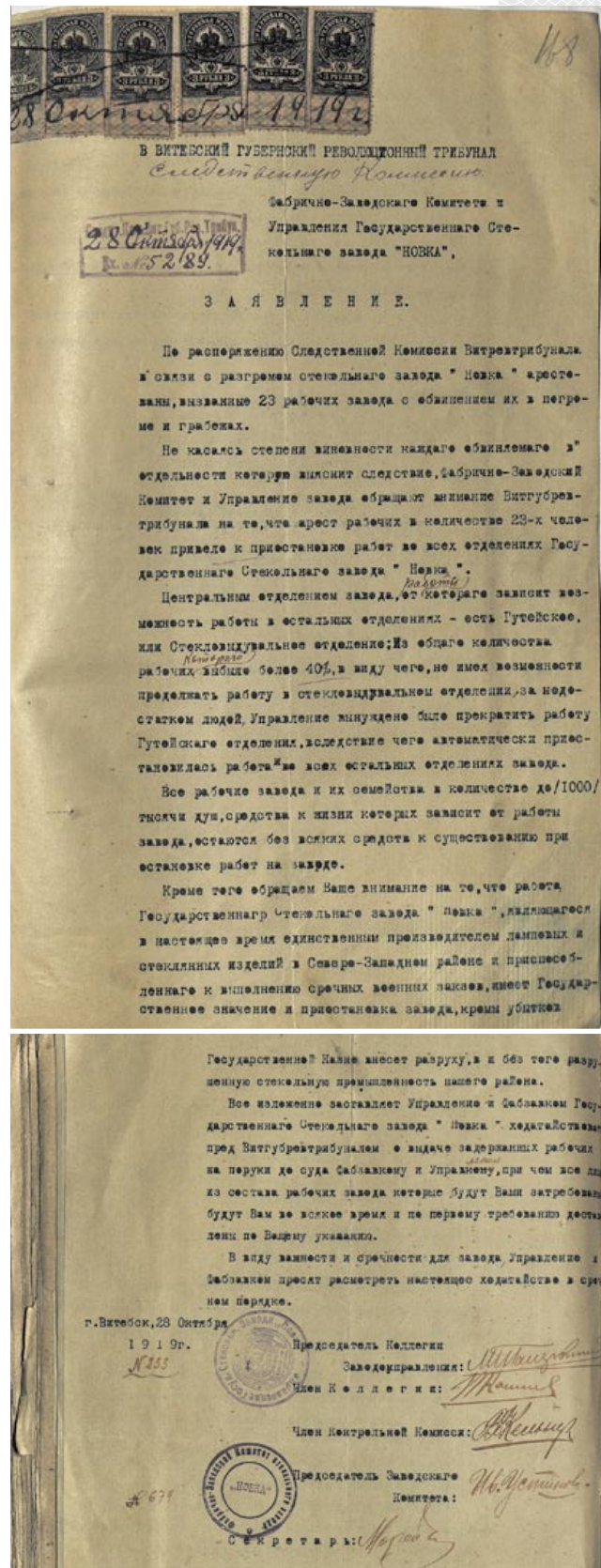
шел 4 часа, бандиты отступили; после захвата штаба 23 пленных расстреляли. Второй удар нанесен был в Козловичах, где красноармейцы сожгли штаб, но сами бандиты скрылись» [4, л. 16 об.].

30 сентября 1919 года состоялось заседание президиума Витебского губисполкома, посвященное теме борьбы с бандитизмом, где постановили создать штаб, «которому подчинить все оперирующие на бандфронте отряды» [13, л. 25–25 об.]. Вместе с тем ходили слухи, что после погрома на стеклозаводе «Новка» витебская и каспьянская банды собрались вместе и планировали нападение на Витебск [6, л. 52].

В этих условиях вместо Витебского губернского, городского и уездных исполкомов были организованы военно-революционные комитеты [14, л. 54]. На заседании боевого штаба заведующий оперативной частью Витебской губЧК П. Карпов отмечал, что борьба с бандитизмом в уезде велась неумело, исполком не принимал репрессивных мер, бандиты были в основном из местных крестьян и о них все знали, но боялись говорить [3, л. 35].

2 октября 1919 года погибших при погроме на стеклозаводе (кроме М. Могучего – его тело, скорее всего, отвезли на родину) похоронили в Витебске. Завод выплатил семьям убитых средний заработок за октябрь и помог с перевозкой домашних вещей в Витебск [5, л. 37]. 8 октября следственная комиссия Витебского губернского революционного трибунала приняла дело к производству и приступила к предварительному следствию. Уже 9 октября, поскольку убийство и грабеж носили массовый и организованный характер и в нем участвовали работники завода, было вынесено постановление о привлечении последних в качестве обвиняемых. Восемью рабочим предъявили обвинение в соучастии в грабеже и убийстве, мерой пресечения было избрано содержание под стражей [11, л. 2–9, 11–20].

Всего же по делу арестовали 47 рабочих. Следователь губернского революционного трибунала Дынин разделил

СВЕТЛАНА МЯСОЕДОВА. ДЕЛО О ПОГРОМЕ НА СТЕКЛОЗАВОДЕ «НОВКА» В КОНТЕКСТЕ ПОСТРЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ В ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ

обвиняемых на тех, кто вел погромную агитацию, принимал активное участие в грабеже, был связан с бандитами, и тех, кто просто воспользовался погромом для собственной выгоды. Он полагал возможным освободить из-под стражи последних, не загромождать дело мелкими обвинениями, а обратить внимание следствия на поиск бандитов.

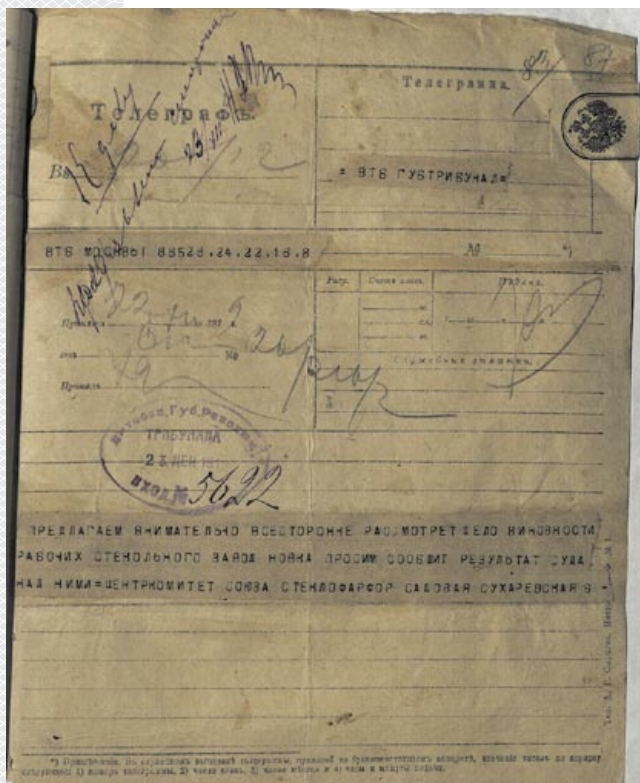
Рабочие свою вину не признавали. Тем временем единственный в регионе стеклозавод, производивший лампы стекла, остановился, что несло «разруху в и без того разрушенную стеклянную промышленность района», а рабочие и их семьи (около 1000 душ) остались без средств к существованию [11, л. 168 – 168 об.].

В начале декабря 1919 года на стекольных заводах РСФСР Маловишерском, Большевишерском, Чудовском, Грузинском (Новгородского уезда), Волховском и других состоялись общие собрания рабочих и служащих. Слушали доклады о событиях на «Новке», суть которых сводилась к тому, что погром был про-

изведен какой-то неизвестной бандой, рабочие в погроме участия не принимали, в тюрьму их посадили эксплуататоры, у которых было отобрано производство. У неосведомленных слушателей складывалось впечатление, будто совершенно невиновных русских наказывают из-за «этих евреев». После доклада рабочие высказывались против ареста коллег, предлагали собраться в экстренном порядке на областную конференцию и выступить в защиту рабочих, томящихся в тюрьме [5, л. 31, 32, 34, 37, 163–164 об.].

Несмотря на протесты общественности, с 17 декабря 1919 года в течение 18 дней в Витебском губернском революционном трибунале под председательством Николая Уманского слушалось дело по обвинению 47 рабочих стеклозавода «Новка» в участии в еврейском погроме. Во время процесса установили, что руководители банды ускользнули из рук правосудия, а на скамью подсудимых попали преимущественно «несознательные элементы» [5, л. 165–166, 171 об. – 173]. Председатель обратился к обвиняемым с призывом рассказать правду, отметил, что революционный трибунал умеет не только карать, но и миловать: «Пусть вас не стесняет, не пугает наказание, вы забудьте про это. Я от имени революционного трибунала заявляю, что всякое правдивое слово будет иметь важное значение. Пусть каждый скажет все, что может сказать в последнем слове». Но большинство обвиняемых не признали себя виновными в участии в погроме.

В итоге погром назвали не только уголовным, но и политическим, поскольку он произошел в момент наступления белополяков. По данным следствия, совершила его банда «зеленых», рабочие завода принимали участие в грабеже, указывали дома, где живут евреи, затем проявили преступное безразличие к происходящему, не оказали помощи, но связи с бандой не имели [4, л. 3–5 об., 171 об. – 173]. И все же 15 человек трибунал приговорил к расстрелу, остальных – к различным срокам заключения. Однако исполнение приговора было при-

остановлено, затем постановлением Президиума ВЦИК от 11 ноября 1920 года к осужденным была применена амнистия, в 1921–1922 годах почти все осужденные из-под стражи освобождены, сроки признаны условными [5, л. 217, 246–246 об., 298, 305, 333].

В сентябре 1920 года витебский юрист Илья Славин (еврей по национальности), выступавший на процессе в качестве адвоката, опубликовал брошюру «Еврейский погром на стеклозаводе “Новки”». В предисловии он указал, что большой и интересный процесс заслуживает общественного внимания, а изучение сложившейся политической ситуации в регионе, взаимоотношений национальных групп позволяет делать различные выводы и приобретет еще большую ценность с течением времени, когда этот материал можно будет рассматривать в исторической перспективе [8, с. 3].

К весне 1920 года ситуация с бандитизмом в Витебской губернии только ухудшилась. Западный фронт требовал крепкого тыла, но положение было таково, что здесь открылся фактически второй, внутренний, фронт. Скрывавшиеся в лесах банды пополнились массой дезертиров и широко развернули действия против советской власти. Для их ликвидации «Западный фронт послал товарища Валетенкова со значительными силами с задачей оккупировать местность и подавить бандитизм» [15, л. 47–48]. Эту экспедицию население воспринимало как карательную. Начальствующие лица во главе с Валетенковым вели себя крайне жестко, игнорировали местную власть, тем самым дискредитируя ее в глазах жителей. Отряды применяли порки и экзекуции, чем вызвали еще более глубокое недовольство населения, фактически подготавливая благоприятную почву для дальнейшего развития бандитизма [15, л. 47–48].

Следствие по делу о погроме, тем не менее, не прекращалось, продолжался поиск бандитов, имевших непосредственное отношение к убийствам в Новке. Еще много раз следователи вызывали на допросы потерпевших, очевидцев проис-

шествия, предъявляли для опознания все новых подозреваемых. 21 мая 1920 года коллегия Витебской губЧК дополнительное дело о погроме на стеклозаводе передала в Чрезвычайный штаб (трибунал) по борьбе с бандитизмом в Сураж (поскольку большинство обвиняемых проживало в Суражском уезде), однако 7 июня оно было возвращено назад из-за нехватки следователей [12, л. 54, 71, 538]. 13 октября 1920 года дело принял к производству Витебский губернский ревтрибунал.

25–30 января 1921 года проходило публичное судебное заседание трибунала под председательством Кристопа Лейланда по обвинению 32 человек в соучастии в погроме, участии в бандитских шайках, даче ложных показаний в конце 1919 года. Подсудимые виновными себя не признавали, в последнем слове просили об оправдании. В итоге 22 человека (среди которых были и обвиняемые в бандитизме), по суду оправдали, а самый большой из назначенных сроков наказания равнялся двум с половиной годам. Активные члены банды, в том числе Быстров, на скамью подсудимых так и не попали... ▀

Статья поступила
в редакцию 17.07.2018 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Крылов, С. Белая гвардия кулаков / С. Крылов // К оружию (Витебск). – 1918. – 18 ноября.
2. Крылов, С. Зеленая армия / С. Крылов // К оружию (Витебск). – 1919. – 12 июня.
3. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВт). – Ф. 56. Оп. 6. Д. 44: Доклады президиуму Витебского губисполкома о бандитизме в Суражском уезде за 1919 г.
4. ГАВт. – Ф. 2289. Оп. 2. Д. 42: Оперативная сводка командира Н-ского отдельного стрелкового батальона войск внутренней охраны т. Журавлева от 5 октября 1919 г. // Известия Витебского губвоенревкома и губкома РКП(б). – 1919. – 7 октября.
5. ГАВт. – Ф. 200. Оп. 1. Д. 489: Дело о погроме на заводе «Новка» за 1919–1920 гг.
6. ГАВт. – Ф. 200. Оп. 1. Д. 106: Дело о погроме на заводе «Новка» за 1919–1920 гг.
7. ГАВт. – Ф. 1821. Оп. 1. Д. 860: Протоколы заседаний Витебской губернской комиссии по пересмотру личного состава уездной милиции за 1922 г.
8. Еврейский погром на заводе «Новки» / Витебский губвоенревком; сост. И.В. Славин. – Витебск: Первая Государственная типография, 1920. – 43 с.
9. ГАВт. – Ф. 200. Оп. 1. Д. 1471: Судебный процесс по делу разгрома завода «Новка» Витебской губернии за 1920 г.
10. ГАВт. – Ф. 959. Оп. 1. Д. 2: Отчет о деятельности Витебской уездной милиции за 1917 г.
11. ГАВт. – Ф. 200. Оп. 1. Д. 488: Дело о погроме на заводе «Новка» за 1919–1920 гг.
12. ГАВт. – Ф. 200. Оп. 1. Д. 1129: Дело о погроме на заводе «Новка» за 1919–1920 гг.
13. ГАВт. – Ф. 2268. Оп. 1. Д. 15: Протоколы заседаний Витебского губвоенревкома за 1919–1921 гг.
14. ГАВт. – Ф. 2268. Оп. 1. Д. 1: Постановления, приказы, протоколы заседаний Витебских губисполкома, губвоенревкома и др. за 1918–1919 гг.
15. ГАВт. – Ф. 10050-п. Оп. 1. Д. 396: Записки Витебскому губкому РКП(б) об усилении борьбы с бандитизмом и др. за 1922 г.